

Руслан ДЗАРАСОВ

ПОЛОЖЕНИЕ НА ГЛОБАЛЬНОМ РЫНКЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Дата поступления в редакцию: 15.12.2021.

Для цитирования: *Дзарасов Р. С.*, 2021. Положение на глобальном рынке как фактор экономического развития России. – *Геоэкономика энергетики*. № 4 (16). С. 120-131. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_120

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, договор по проекту 20-010-00608

В данной статье рассматривается влияние положения России в мировой экономике на её хозяйственное развитие. Методологической основой анализа является мир-системный подход. Для последнего характерна трактовка капитализма как иерархической системы неравноправных отношений, при которых центр (развитые страны) присваивает значительную часть доходов, создаваемых трудом населения периферии (развивающиеся страны). Россия занимает в этой системе полупериферийное положение. В результате для страны характерны: модель роста на основе экспорта энергоресурсов, упадок обрабатывающей промышленности и низкие темпы научно-технического прогресса, высокий уровень вывоза капитала, низкая доля накопления основного капитала. Особую роль играет коренящаяся в приватизации авторитарная модель корпоративного управления, характеризующаяся неустойчивостью контроля собственников над активами и краткосрочностью временной ориентации деловой стратегии. На этом основывается невысокая заинтересованность бизнеса в инвестициях и инновациях.

ДЗАРАСОВ Руслан Солтанович, доктор экономических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: dzarasovt@gmail.com, SPIN-код: 4232-1066

Ключевые слова: мир-системный подход, насаждение отсталости, полупериферийный капитализм, проблемы развития, корпоративные инвестиции.

На заре радикальных экономических реформ в России считалось, что наша страна переходит к современному высокоразвитому капитализму, который характеризуется высокими темпами экономического роста, передовыми технологиями, присутствием на мировых рынках высоких технологий и, как следствие всего этого, высоким уровнем жизни. Действительность оказалась иной. Упадок обрабатывающей промышленности, технологическая отсталость, низкий уровень жизни — это далеко не полный перечень последствий развития на основе экспорта энергоресурсов и продукции с низкой степенью передела сырья. Через тридцать лет после начала преобразований уже нельзя объяснить это «переходным кризисом». Возникшая в результате реформ экономическая отсталость должна быть понята как объективный результат нового экономического строя, точнее того типа капитализма, к которому мы перешли. На взгляд автора данных строк, один из путей подобного исследования связан с применением к изучению нашей экономики методологии и понятий мир-системного подхода.

Капитализм и развитие

В мировой науке предлагается множество объяснений термина «экономическое развитие» [Чешков, 2004]. Наиболее верной представляется трактовка, восходящая к философии истории Гегеля, полагавшего критерием прогресса осознание свободы. С этой точки зрения под развитием следует понимать обретение странами и народами субъектности в истории. Она предполагает не просто выход из-под власти колонизаторов, но достижение современного уровня материального и культурного развития, создание благоприятных условий для самореализации своих граждан, превращение в полноправного члена мирового сообщества.

Такое понимание проблемы не является новым для России. Достаточно вспомнить дискуссии о путях развития страны в XIX–XX вв., шедшие между славянофилами и западниками, марксистами и народниками, большевиками и меньшевиками, коммунистами и так называемыми евразийцами. В их центре как раз и была проблема самоопределения страны в условиях нарождавшегося капитализма и советского строя.

На взгляд автора данной статьи, дебаты о будущем капитализма в предреволюционной России во многом предвосхитили идеи мир-системного подхода. Этот современный взгляд на экономическое и социально-политическое развитие предлагается школами Фернана Броделя, Иммануила Валлерстайна, Андре Гюндера Франка, Джованни Арриги, Самира Амина и других. Их отличительной чертой является понимание капитализма как иерархической мировой системы, предполагающей эксплуатацию центром (развитые страны) периферии (развивающиеся страны).

Основной тезис мир-системного подхода, общий для его основных теоретиков, состоит в том, что накопление капитала можно понять только в глобаль-

ных масштабах мирового капитализма. Его основу создаёт безвозмездное присвоение развитыми странами значительной части доходов, создаваемых трудом населения мировой периферии. В связи с этим стоит обратить внимание на концепцию «развития отсталости» американского социолога, экономиста и историка Андре Гюндера Франка [Frank, 1966]. На большом эмпирическом материале он установил, что отсталость так называемых развивающихся стран является не естественным, а рукотворным феноменом. Многие страны Азии, Африки и Латинской Америки к моменту вторжения в их жизнь капитализма в форме колониализма были развитыми для своего времени обществами. Их экономики хотя и основывались на применении ручного труда, но были диверсифицированы и обладали относительной социальной стабильностью. Потеряв независимость, эти общества подвергались глубокой трансформации. Многообразие их хозяйственной деятельности ограничивалось и сводилось к нескольким производствам трудозатратного характера, приспособленным к спросу метрополий. Обычно это были поставки сырья и сельскохозяйственной продукции. Это обеспечивалось глубокой социальной трансформацией подобных стран. В частности, крестьянство сгоняли с земли и под угрозой голода превращали в армию дешёвого труда. Глубоко изменялся и правящий класс попавших во внешнюю зависимость обществ. Из бывших землевладельцев создавалась компрадорская буржуазия, бравшая на себя роль посредника в эксплуатации природных и трудовых ресурсов своих стран в интересах метрополий. Для подобных классов в Латинской Америке Франк использовал удачный термин «люмпен-буржуазия» [Frank, 1972].

Сменяются времена и эпохи, доминирование в мировой системе переходит от одних стран к другим, открытый колониальный разбой превращается в более завуалированный неоколониализм, но основа неравноправных отношений центра и периферии остаётся неизменной. Именно этого и не учла общественность нашей страны в период трансформации советского общественного строя.

Генезис постсоветской экономики

Два главных процесса определили природу современного российского капитализма и его место на мировой арене.

Во-первых, это перерождение советской бюрократии, происходившее в ходе развития советского общества* по сталинскому пути с конца 1920-х годов. Государственная и партийно-хозяйственная бюрократия получила материальные и нематериальные привилегии, существование которых противоречило официальной идеологии. Дальнейшее разложение советского строя сопровождалось усилением неформального контроля за экономи-

*Можно ли называть советское общество социалистическим — это весьма спорный вопрос.

ческими ресурсами, который давал должностным лицам дополнительные выгоды. Оба этих явления представляли собой зачаток частного присвоения за фасадом «реального социализма»^{*}.

Во-вторых, постсоветский капитализм формировался под влиянием глобального капитализма эпохи «финансиализации». Под последним термином имеется в виду замещение промышленного капитала финансово-спекулятивным. Доход от финансовых спекуляций по своей сути представляет собой рентный доход, подобный выгоде от неформального контроля над ресурсами, присваивавшийся советской бюрократией. Родство этих двух видов частной выгоды и составило социально-экономическую основу сближения интересов переродившейся советской бюрократии и западного правящего класса.

Наиболее проникательные западные аналитики трансформации советского строя в капитализм выделяют социальные силы, стоявшие за этим процессом. Это переродившаяся часть бюрократии, решившая закрепить свои привилегии в форме частной собственности, и либеральная интеллигенция, стремившаяся «монетизировать» свои навыки и квалификацию. Вместе они негласно сформировали влиятельный прокапиталистический блок, стоявший за радикальными рыночными реформами начала 1990-х [Kotz, Weir, 2007; Lane, 2011]. Как теперь широко известно, он получил поддержку правящих кругов Запада, оказавших решающее закулисное влияние на программу радикальных рыночных преобразований в стране [Wedel, 2001]. Эти две тенденции определили основные черты нарождавшегося в бывшем СССР общественного строя как полупериферийного капитализма, занимающего промежуточное место в мировой системе между развитыми странами Запада и развивающимся миром.

Природа этого глубоко реакционного и неэффективного общественного строя ярко проявляется в интересах современного российского правящего класса. Они сложились в ходе приватизации 1990-х годов.

Этот процесс совершенно игнорировал мировой опыт разгосударствления, предполагавший строгий контроль и мониторинг каждой его стадии [Guidelines on the best practice..., 1998]. Российский опыт проанализирован в официальном отчёте Счётной палаты РФ [Анализ процессов приватизации..., 2004]. Факты, приведённые в документе, свидетельствуют, что приватизация не содержала механизмов отбора эффективных собственников бывших государственных предприятий, не создавала равные конкурентные возможности для претендентов на участие в процессе, не формулировала чёткие обязательства новых собственников и т. д. Зато в избытке создавались возможности для криминализации данного процесса. По некоторым

^{*} «Реальный социализм» — термин для обозначения характера советского строя, введённый в оборот партийным руководством во главе с Леонидом Брежневым (1964–1982).

данным, государство выручило лишь 5 % от рыночной стоимости распроданных активов [Меньшиков, 2004]. Таким образом, становление нового капиталистического класса в России происходило при колоссальной дотации со стороны государства, осуществлённой за счёт общества. Одним из главных результатов приватизации стало закрепление неформального контроля над активами со стороны разлагавшейся советской бюрократии в форме частной собственности. Ничтожная цена, по которой бывшая государственная собственность была захвачена частными собственниками, закрепила их рентоориентированное поведение. Эти обстоятельства определили специфическую российскую модель корпоративного управления.

Полупериферийный капитализм

Крупный бизнес в современной России характеризуется ярко выраженным авторитарным характером. В частности, исследования отмечают высокий уровень концентрации прав собственности в российских корпорациях [Долгопятова, 2007; Капелюшников, 2001]. Обычно ядро собственников «составляет команда из 3–7 человек, тесно связанных между собой неформальными связями и общим прошлым опытом» [Капелюшников, 2005]. Система их контроля над активами покоится в значительной мере на сети неформальных институтов. Они включают так называемое «облако офшоров», включающих цепочку подставных фирм и маскирующих подлинных контролёров предприятия; неформальные связи с государственными чиновниками, обеспечивающими внешнюю защиту положения доминирующей группы; сверхцентрализованную систему принятия решений; развитые структуры внутренней безопасности. Главная функция этой своеобразной «инфраструктуры неформальной власти» — обеспечить контроль собственников над предприятиями и их финансовыми потоками. По существу, речь идёт о том, что в российском крупном бизнесе формальные права собственности не имеют значения, если они не подкреплены частными механизмами принуждения со стороны доминирующей на предприятии группы.

Поддержание инфраструктуры контроля является весьма дорогостоящим мероприятием. Само по себе это обстоятельство во многом определяет характер крупного бизнеса. Ведь для поддержания так называемой крыши — коррупционных связей с государственными чиновниками или сотрудниками правоохранительных органов, обеспечивающих защиту бизнеса, — требуется платить, и немало. Остальные элементы контроля также дорого стоят. Это значит, что необходимо систематически изыскивать средства, которые не составляют часть легальных расходов по ведению бизнеса. Ещё более важное обстоятельство связано с самим характером инфраструктуры контроля.

Дело в том, что неформальный по своей природе контроль нельзя легально закрепить, продать или передать по наследству. В то же время его всегда

можно оспорить. Это порождает такую систематическую черту крупного бизнеса в современной России, как неустойчивость контроля над активами. Перераспределение прав собственности сплошь и рядом принимает форму враждебных поглощений, предполагающих криминальное насилие. Действительно, рейдерство остаётся острой проблемой российской экономики. По данным Национального антикоррупционного комитета, в стране происходит до 700 тыс. рейдерских захватов собственности в год. Уголовные дела заводятся не более чем в 10 % случаев, а до суда из них доходит и того меньше [Воронина, 2015]. В 2000-е годы стал активно использоваться и такой механизм перераспределения прав собственности, как создание государственных корпораций. Формально это государственные холдинги, осуществляющие хозяйственную деятельность в интересах государства и за счёт бюджетных средств. Однако исследования показывают, что для этих структур характерно наличие рассмотренных выше институтов неформального контроля и вывод средств от 25 % капитала предприятия и выше на рые государственные корпораций [Соколов, 2013].

Нестабильность контроля на российских предприятиях порождает проблему краткосрочности временной ориентации в деятельности компаний. Эта проблема выражается в доминировании рентоориентированного поведения российского крупного бизнеса. Распространённой практикой российских компаний является продажа своей продукции по заниженным ценам фирмам-посредникам, зарегистрированным в офшорах, с последующей перепродажей этой же продукции на отечественном рынке по рыночным ценам. По некоторым данным, до 90 % крупного российского бизнеса носит офшорный характер [Демин, 2010]. В результате махинаций с продажей товаров доминирующие группы избегают налогообложения прибыли и сосредотачивают реальные доходы на своих частных счетах в налоговых гаванях. О масштабах данного процесса можно судить по тому факту, что Россия вошла в пятёрку стран по величине активов, выведенных в офшоры, относительно ВВП. Эта величина составляет 46 % ВВП страны, или 590 млрд долл. [Седлов, 2017].

Краткосрочный рентный доход, извлекаемый на российских предприятиях, подрывает инвестиции российских предприятий. Они устойчиво остаются низкими за весь постсоветский период. Доля инвестиций в основной капитал в ВВП — около 20 % [Агеева, 2019], что не позволяет обеспечить модернизацию производственных мощностей страны. В результате увековечивается масштабное отставание производственного потенциала России от потенциала развитых капиталистических стран, т. е. стран центра. Так, исследования показывают, что в целом по экономике фондовооружённость труда (*capital/labour ratio*) в России втрое ниже, чем в США. В обрабатывающей промышленности, определяющей научно-технический потенциал, положение ещё хуже: указанный показатель в России составляет лишь 18 % от американского. Для преодоления этого разрыва необходимо инвестировать в российскую экономику дополни-

тельно 11 658 млрд долл. [Алексеев, 2020: 33–45, 37, 39]. Учитывая, что превышение вывоза частного капитала из России над ввозом ежегодно измеряется десятками миллиардов долларов, такие средства взять неоткуда.

Результатом подрыва инвестиций становится низкий уровень научно-технического потенциала страны. Совокупный уровень инновационной активности, измеряемый как удельный вес организаций, осуществлявших технологические, маркетинговые и организационные инновации, в общем числе организаций, в последнее десятилетие составлял менее 10 % и лишь в 2017 и 2018 гг. достиг соответственно 14,6 и 12,8 %. Если взять отдельно технологические инновации, то удельный вес осуществлявших их организаций лишь в 2017 и 2018 гг. достиг 20,8 и 19,8 % соответственно, в течение предыдущих лет будучи менее 10 %. Как ни малы эти цифры сами по себе, но может сложиться впечатление, что в последние годы положение улучшается. Однако это не так. Удельный вес затрат на технологические, маркетинговые и организационные инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг колебался в 2008–2018 гг. от 1,4 до 3,0 %, в том числе в 2017 и 2018 гг. составив всего лишь 2,5 и 2,2 % [Индикаторы инновационной деятельности..., 2020]. Между этими цифрами возникает любопытное противоречие: внушительный рост удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации в последние пару лет, сопровождается падением доли инновационной продукции в их производстве. Этот факт порождает предположение, что большая часть технологических инноваций направлена не на модернизацию производства, а на продление ресурса стареющего оборудования.

Невысокому уровню инновационной активности отечественных предприятий соответствует и место России в мире по уровню финансирования НИОКР (рис. 1).

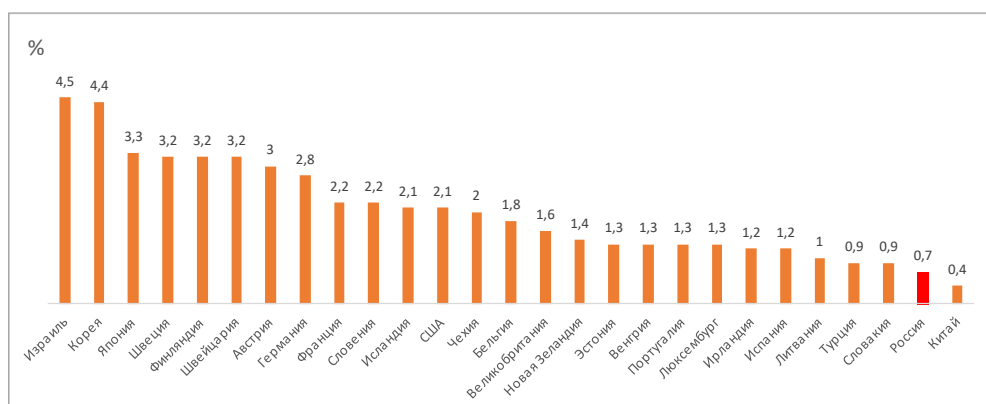

Рис. 1. Расходы на гражданские НИОКР как процент от ВВП: Россия и другие страны.

Источник: Science, Technology and Innovation in Russia, 2019.

Представленные данные показывают, что Россия принадлежит к числу стран с низкими расходами на НИОКР. Её намного опережают не только страны центра мирового капитализма, но и страны Восточной Европы (принадлежащие к периферии ЕС), и даже некоторые бывшие республики СССР. С этими данными вполне коррелируют показатели затрат на НИОКР на одного исследователя (рис. 2).

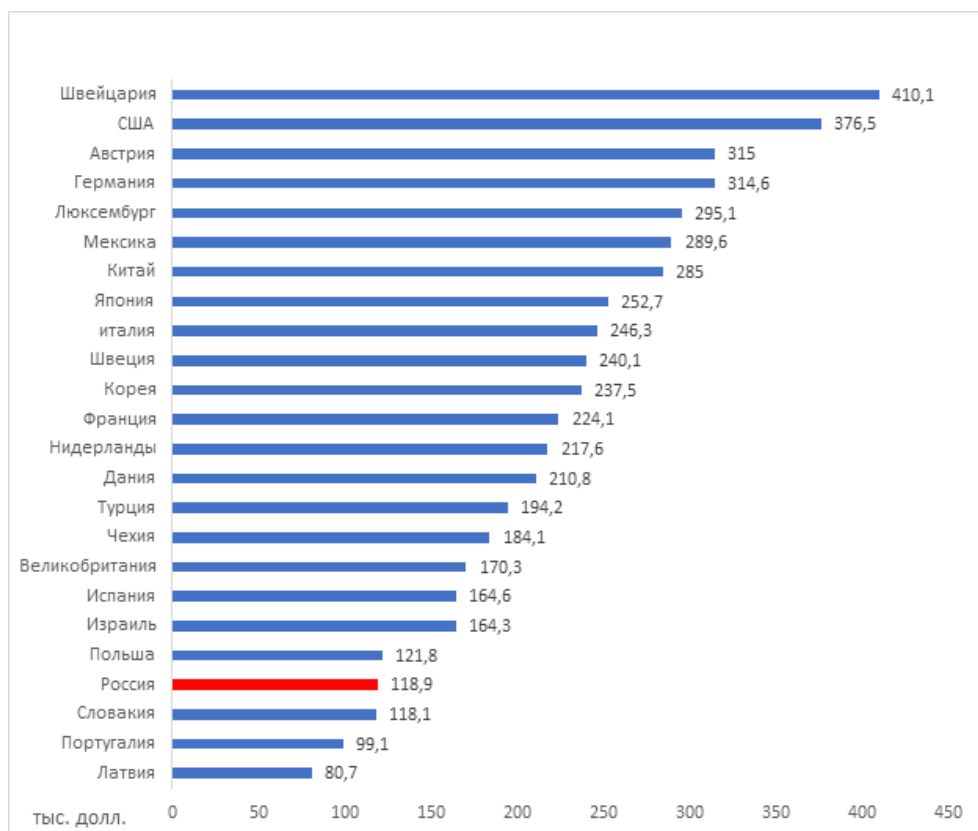

Рис. 2. Валовые внутренние затраты на НИОКР на одного исследователя: Россия и другие страны.

Источник: Science, Technology and Innovation in Russia. 2019.

Данные свидетельствуют, что Россия и по этому показателю находится на невысоком месте, проигрывая не только странам центра, но и некоторым полупериферийным государствам. Так, Китай, стремящийся вырваться из полупериферии в центр, обгоняет нашу страну в несколько раз.

* * *

Таким образом, полупериферийный характер современного российского капитализма порождает авторитарную модель корпоративного управления и ориентацию на извлечение рентного дохода, в значительной мере основанного на внеэкономическом принуждении. Краткосрочный характер этого вида дохода подрывает заинтересованность в техническом прогрессе. Это выражается в невысоком уровне инвестиций и их низком качестве. Приведённые выше данные красноречиво говорят об устойчиво низкой заинтересованности российского капитализма в инновационной деятельности.

Список литературы

Агеева О., 2019. Инвестиции не угнались за ВВП // <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/03/15/5c8a1d699a7947ec94b02f75>, дата обращения 09.12.2021.

Алексеев А. В., 2020. О повышении рыночной стоимости основного капитала в России // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 33–45, 37.

Воронина Ю., 2015. Покусились на чужое // <https://rg.ru/2015/07/07/reyderstvo.html>, дата обращения 08.12.2021.

Демин В., 2010. Оффшоры – реальная угроза экономической безопасности России // <https://prosvet.su/information/offshory-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti/>, дата обращения 09.12.2021.

Долгопятова Т., 2007. Концентрация акционерной собственности и развитие российских компаний (эмпирические свидетельства) // Вопросы экономики. № 1. С. 84–97.

Капелюшников Р. И., 2001. Собственность и контроль в российской промышленности // Вопросы экономики. № 12. С. 103–124.

Капелюшников Р., 2005. Концентрация собственности и корпоративное управление. М.: Изд-во ГУ ВШЭ. С. 34.

Меньшиков С., 2004. Анатомия российского капитализма. М.: Междунар. отношения. С. 61–64.

Седлов Д., 2017. Оффшорная карта: сколько россияне хранят в налоговых гаванях // <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/350219-ofshornaya-karta-skolko-rossiyane-hranyat-v-nalogovyh-gavanyah>, дата обращения 09.12.2021.

Соколов А., 2013. Инвестиционное поведение государственных корпораций в условиях инсайдерского контроля // <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnoe-povedenie-gosudarstvennyh-korporatsiy-v-usloviyah-insayderskogo-kontrolya/viewer>, дата обращения 09.12.2021.

Чешков М., 2004. Идея развития: возможность обновления // Общественные науки и современность № 5, 6.

Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы, 2004 // <https://clck.ru/FvGEA>, дата обращения 09.12.2021.

Индикаторы инновационной деятельности: Стат. сб., 2020. М.: Минэкономразвития РФ, Росстат, ВШЭ. С. 19–20.

Frank A., 1966. The development of underdevelopment // Monthly review. Vol. 18. No. 4. P. 17–31.

Frank A., 1972. Lumpen-Bourgeoisie: Lumpen-development. Dependence, Class, and Politics in Latin America. New York and London: Monthly Review Press.

Guidelines on the best practice for the audit of privatization, 1998 // <https://clck.ru/ZR5Lo>, дата обращения 09.12.2021.

Kotz D., Weir F., 2007. Russia's Path from Gorbachev to Putin. The Demise of the Soviet System and the New Russia. Abingdon: Routledge.

Lane D., 2011. Elites and Classes in the Transformation of State Socialism. London: Transaction Publishers.

Wedel J., 2001. Collision and Collusion. The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. New York: Palgrave. Pp. 122–99.

Science, Technology and Innovation in Russia 2019, 2020 // <https://issras.ru/publication/docs/sci2019en.pdf>, дата обращения 09.12.2021.

DZARASOV Ruslan S.,

D. Sc. (Economics), Financial University under the Government of Russian Federation.

Address: 49, Leningradsky Ave., 125993, Moscow, Russian Federation

E-mail: dzarasovr@gmail.com

SPIN-code: 4232-1066

POSITION IN THE GLOBAL MARKET AS A FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_120

Received: 15.12.2021.

For citation: *Dzarasov R. S., 2021. Position in the Global Market as a Factor of Economic Development of Russia. – Geoeconomics of Energetics. № 4 (16). P. 120-131. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_120*

The research was supported by RFBR grant, the agreement on the project No. 20-010-00608

Key words: World-System analysis, spread of underdevelopment, semi-periphery capitalism, issues of development, corporate investment.

Abstract

The paper is focused on the effect of the position of Russia in the world economy on its economic development. Methodological framework of the analysis is based on the World-System approach. For the latter it is typical to treat capitalism as a hierarchical system of unequal relations under which the core (developed countries) appropriates a significant part of incomes created by the labor of the population of the periphery (the developing countries). Russia occupies the semi-peripheral position in this system. As a result, the country demonstrates the following: export-led growth on the bases of energy resources, decline of manufacturing and low rates of technological development, high rates of capital flight, low share of accumulation of the fixed capital stock in GDP. Authoritarian model of corporate governance plays a special role. It is characterized by instability of control of the owners over their assets and by short-term time horizon of its business strategy. This assumes low interest of the Russian business in investment and innovations.

References

Ageeva O., 2019. Investments have not kept up with GDP // <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/03/15/5c8a1d699a7947ec94b02f75>, accessed 09.12.2021. (In Russ.)

Alekseev A. V., 2020. On the increase in the market value of fixed capital in Russia // Problems of forecasting. No. 5. Pp. 33–45, 37. (In Russ.)

Voronina Yu., 2015. Encroached on someone else's // <https://rg.ru/2015/07/07/reyderstvo.html>, accessed 08.12.2021. (In Russ.)

Demin V., 2010. Offshore companies are a real threat to Russia's economic security // <https://prosvet.su/information/offshory-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti/>, accessed 09.12.2021. (In Russ.)

Dolgopyatova T., 2007. Concentration of joint-stock ownership and development of Russian companies (empirical evidence) // Questions of Economics. No. 1. Pp. 84–97. (In Russ.)

Kapelyushnikov R. I., 2001. Property and control in the Russian industry // Questions of Economics. No. 12. Pp. 103–124. (In Russ.)

Kapelyushnikov R., 2005. Concentration of ownership and corporate Governance. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. p. 34. (In Russ.)

Menshikov S., 2004. The Anatomy of Russian Capitalism. Moscow: International relations. Pp. 61–64. (In Russ.)

Sedlov D., 2017. Offshore card: how much do Russians keep in tax havens // <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/350219-ofshornaya-karta-skolko-rossiyane-hranyat-v-nalogovyh-gavanyah>, accessed 09.12.2021. (In Russ.)

Sokolov A., 2013. Investment behavior of state corporations in conditions of insider control // <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnoe-povedenie-gosudarstvennyh-korporatsiy-v-usloviyah-insayderskogo-kontrolya/viewer>, accessed 09.12.2021. (In Russ.)

Cheshkov M., 2004. The idea of development: the possibility of updating // Social sciences and modernity. No. 5, 6. (In Russ.)

Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993–2003, 2004 // <https://clck.ru/FvGEA>, accessed 09.12.2021. (In Russ.)

Indicators of innovation activity: Stat. sat., 2020. M.: Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Rosstat, HSE. Pp. 19–20. (In Russ.)

Frank A., 1966. The development of underdevelopment // Monthly review. Vol. 18. No. 4. P. 17–31. (In Eng.)

Frank A., 1972. Lumpen-Bourgeoisie: Lumpen-development. Dependence, Class, and Politics in Latin America. New York and London: Monthly Review Press. (In Eng.)

Guidelines on the best practice for the audit of privatization, 1998 // <https://clck.ru/ZR5Lo>, accessed 09.12.2021. (In Eng.)

Kotz D., Weir F., 2007. Russia's Path from Gorbachev to Putin. The Demise of the Soviet System and the New Russia. Abingdon: Routledge. (In Eng.)

Lane D., 2011. Elites and Classes in the Transformation of State Socialism. London: Transaction Publishers. (In Eng.)

Wedel J., 2001. Collision and Collusion. The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. New York: Palgrave. Pp. 122–99. (In Eng.)

Science, Technology and Innovation in Russia 2019, 2020 // <https://issras.ru/publication/docs/sci2019en.pdf>, accessed 09.12.2021. (In Eng.)